

Отец Андрей Колесников

ВАНИНА СТРАСТЬ К ЧЕРЕПАШКАМ ИСТИННА, А БАРБИ И БРАТЦ МАША УВЛЕКАЕТСЯ НАЗЛО ВАНЕ, И ФАЛЬШИВАЯ ЛЮБОВЬ ЧАХНЕТ НА ФОНЕ НАСТОЯЩЕЙ СТРАСТИ

ВАНЯ подвернул ногу, и, хотя он подвернул ногу, он все равно выступил достойно на выпускном утреннике в детском саду. Все, он больше никогда не будет ходить в детский сад. Никогда. В сентябре он пойдет в школу. Обидно.

Хорошо хоть, что он пойдет в первый класс со своими друзьями из своей группы, где он пользуется безоговорочным авторитетом — помимо всего прочего и потому, что знает очень много слов. Он бегло читает — в отличие от Маши, которая, правда, тоже знает много слов, но и во втором классе еще спотыкается на слове «развеселый».

На прошлой неделе у меня был случай убедиться в том, что в детском саду Ваню уважают не напрасно. Мы ехали за город. Обычно дети сражаются за то, чтобы всю дорогу смотреть мультики. Причем у Вани приоритеты не меняются с годами. Он смотрит «Черепашек ниндзя», и больше его ничего по большому счету в мировом мультипликационном искусстве не интересует.

Сражаются они не со мной, а друг с другом. Потому что Маша не любит черепашек. Она не то что спокойна к ним или равнодушна, нет. Она их очень не любит. Даже, я думаю, ненавидит. Черепашки занимают в ее жизни слишком большое место — и не потому, что она хочет, чтобы это было так, а только потому, что черепашки занимают всепоглощающее место в жизни Вани, и Маша обречена на них тоже — просто потому, что там, где Ваня, там и черепашки. А Ваня в ее жизни везде. Она пыталась противопоставить черепашкам мультики про Барби, потом про Братца, потом про Гарри Поттера, но все это было бессмысленно, потому что Ванина страсть к черепашкам истинна, а Барби и Братца Маша увлекается назло Ване, и фальшивая любовь чахнет на фоне настоящей страсти.

И все-таки Маша окончательно не смирилась. И когда мы едем за город, она все же борется за то, чтобы не смотреть очередной мультик про черепашек (мультики откуда-то появляются, все новые и новые, я сам вроде даже перестал их покупать, но при этом все время в доме есть такой, который Ваня еще

не смотрел или смотрел всего 62 раза). А поскольку у Вани развито чувство справедливости, с которым он ничего не может поделать, то он регулярно уступает Маше. Но сам при этом ее мультик в машине не смотрит. Замени черепашкам не существует. Я уверен, он уже два года занимается ушу только потому, что им в совершенстве владеют черепашки. Так вот в этот раз Маша и Ваня молча ехали в машине. Я не понимал, почему они еще не начали выяснять, будут они смотреть «Черепашек» или «Гарри Поттера». Думал, может, они уже выяснили это еще до того, как сели в машину. Но нет, вряд ли. Они не могли это так быстро выяснить. Это же затяжной процесс со взаимными упреками, от которых очень близко до взаимных оскорблений с толкотней локтями, от которой недалеко до искренней потасовки с применением всех знаний, полученных у дяди Володи на тренировке. (Маша тоже занималась ушу почти год, прежде чем поняла, что это не ее. Но руки-то помнят.) Тогда что они задумали?

— Так вы что будете смотреть? — спросил я, потеряв терпение.

— Ничего, — сказала Маша.

— То есть как?! — поразился я.

— А вот так! Мы будем с тобой разговаривать. Я обрадовался. Я сказал, что нам есть о чем поговорить. Я начал первым. Но на самом деле им не это было, конечно, нужно.

— Папа, — торжественно сказала Маша, — расскажи нам сказку, которую ты рассказывал нам в детстве.

— Какую сказку? — настороженно поинтересовался я.

— Как какую? Про Большой Взрыв!

А-а-а, и правда, была такая сказка. Я рассказывал ее им очень давно, в те времена, когда в машине нельзя было посмотреть мультик и мы проводили время за долгими неторопывыми разговорами. И за сказками, конечно. Я вспомнил что смог. Но выяснилось, что за это время многое изменилось. Сказка про Большой Взрыв теперь не очень заинтересовала Машу и Ваню. Я всегда сочинял ее на ходу и сейчас, может, сам не смог увлечься как надо. В общем, они остыли к сказке, и я тем более.

— Ладно, — сказала Маша, — давайте проиграем в слова. Ваня начинает.

Мы начали играть в слова. Это как в города. Придумываешь слово, которое начинается на последнюю букву предыдущего слова. Но все оказалось не так просто. Особенность игры состояла в иезуитстве Маши. Она придумывала слова, которые заканчивались либо на «а», либо на «я». При этом, по-моему, не специально. А следующим после нее был Ваня. И вот он измучился, придумывая слова на эти буквы. А я жалел Машу и не платил ей той же монетой. У нее то на «м» было слово, то на «т»... И еще время от времени, пока Ваня мучительно придумывал очередное слово, Маша сообщала, что у нее есть три варианта на «а».

Все-таки Ваня и не думал сдаваться и каждый раз с блеском выходил из ситуации. Правда, попытка два раза протащить слово «Япония» не прошла. Но он не расстроился. Он сражался как лев.

Но силы человеческие небеспредельны. Мы уже подъехали к дому, когда его словарный запас на «а» был, казалось, наконец исчерпан.

— А Флорида? — спросил Ваня с некоторой утвердительной интонацией.

— Что Флорида? — переспросил я.

— Афлорида, — уточнил он.

— Не подходит, — сказал я. — Нет такого слова. Ваня, у тебя последний шанс. Если ты вспомнишь слово до того, как мы остановимся, ты выиграл. Если нет — то Маша.

— Папа, давай быстрее ехать! — крикнула Маша.

Я оглянулся. Ваня сидел, выпучив глаза, и пылился в пустоту. Он ничего не видел перед собой. Он не увидел бы, даже если бы захотел. Там, впереди, были только обрывки слов на «а».

Я начал тормозить. Я уже почти совсем остановился. Мне некуда было ехать. Я приехал. Мне стало безумно жаль его. Я раскаялся, что придумал все это.

Мы остановились.

— Аксессуар, — тихо сказал Ваня.

— Маша, он же выиграл, — так же тихо сказала я.

— Он не знает, что это такое, — со слезами на глазах произнесла она.

— Это не важно, — сказал Ваня.